

Святитель Григорий Двоеслов. Беседа IX, говоренная к народу в Церкви Св. Сильвестра в день его мученичества // Сорок бесед на Евангелия [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/besedy-na-evangeliya/9. (дата обращения 07.04.2022)

Святитель Иоанн Златоуст. Беседа 78 // Беседы на Евангелие [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/78 (дата обращения 07.04.2022)

Симеон Полоцкий. Обед душевный, М., 1681. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003393518#?page=1> (дата обращения 07.04.2022)

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1971.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Феофилакт Болгарский. Глава 25 // Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/25 (дата обращения 07.04.2022)

Maximova M. I. The development of the concept of talent in Old Russian interpretations of the Gospel parable.

Abstract. The semantics of the word "talent" and the idea of this phenomenon have been changing for centuries. The meanings familiar to modern man were often absent or interpreted differently in the ancient and medieval tradition. In turn, the semantic components, which are integral to the concept of talent for homilists of previous centuries, fade into the background or disappear at all in a result of rethinking of the concept. The aim of the research is to identify the aspects of talent characteristic of different centuries and to trace the path of changing the place of talent in the conceptual sphere.

Keywords: talent, concept, conceptual sphere, sermon, homilist (mentor).

А. Д. Калинина

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Авторская работа с источниками в проповедях предпетровского времени¹

Аннотация. В статье рассматривается использование проповедником XVII в. цитат из святоотеческих произведений и Священного писания в словах против пьянства из рукописного сборника «Статир». Выявляются функции интертекста – обозначение темы, примеры, усиление выразительности. Анализируются приемы цитирования. Рассматривается авторское отношение к тексту источников, их сохранение и интерпретация

Ключевые слова: проповедь, нравственный облик, священство, «Статир», интертекст

Традиция компилятивного составления проповеди исходит из самой цели жанра – изъяснения слова Божия, представленного эпизодом или фразой из Священного Писания. Обязательное обращение в православных проповедях к святоотеческим экзегетическим трудам регламентировалось еще в VII в. решениями Трульского Собора. Опора на авторитетные сочинения была необходима, чтобы священник, раскрывая пастве слово

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»)

Божие, «при недостатке умения» не отклонился от подобающего толкования [История проповедничества: URL]. В начале XVII в. под влиянием католической риторики, разработанной в образовательном процессе подготовки служителей церкви, православная проповедь заимствовала структуру ораторской речи, где у цитат, в зависимости от их функции, было свое место в тексте. Именно в это время стали появляться руководства по составлению проповедей, и одним из первых был труд ректора Киево-Могилянской Академии Иоанникия Галятовского. В его «Наука, албо способ зложения казания» были отражены формальные правила составления проповеди, в том числе и использование прямых цитат и интертекста как в качестве обозначения темы, так и в качестве примеров и иллюстраций [Галятовский: л. 241].

Несмотря на необходимость строить проповедь по определенному плану и обязательное объяснение богословских истин через обращение к толкованиям, творческая работа проповедника заключалась в подборе цитат, примеров, заимствовании образов и эмоциональном наполнении проповеди. В рукописном сборнике проповедей конца XVII века «Статир», созданном в Орле-городке анонимным автором, ряд проповедей выстраивается согласно взятой от схоластиков структуре – введение с цитатой, обозначающей тему, изложение с примерами, нравственное приложение и заключение, включающее в себя молитву. Художественная ценность сборника в том числе состоит в умении автора обращаться с интертекстом и использовать парафразы святоотеческих произведений.

В качестве источников автор «Статира» чаще всего выбирает непосредственно Священное писание и толкования Иоанна Златоуста на различные книги Библии. Библейские эпизоды в проповеди появляются во введении или сразу после него в качестве библейского тематического ключа – приема, связывающего буквальный и духовный смысл проповеди, выводящего проблематику земных примеров на уровень вечности [Пиккио: 437]. Так в Слове 38 «О неизреченной бл(агода)ти Хр(ис)т(о)вѣ и о вѣре слѣпцев, о слѣпотѣ и невѣжествѣ с(вя)щеннической» в качестве библейского ключа использован эпизод из Евангелия от Матфея, в котором Иисус излечивает слепых. Само же Слово посвящено обличению недостойных священников. Библейский ключ обеспечивает перенос темы с ленивых и невежественных людей на людей, не желающих верить и соблюдать веру, поскольку в библейском эпизоде прозрение физическое наступает после прозрения духовного, а в проповеди физическая слепота выступает метафорой неправильной земной жизни людей, в частности священников. Таким образом, проблематика проповеди с «земного» невежества углубляется в душевную слепоту к вере в Бога.

Святоотеческие цитаты, вопреки «Науке..» Галятовского, также могут выступать как библейский ключ:

Ср. :

1. «И о семь нам Ев(ан)г(е)л(с)кая словеса ясно показуть днесь, от Матфея, зачало 33 гл(агол)я сице: «Во время оно преходящу оттуду Иис(ус)ови, и по немъ идоста два слепца, зовуща и гл(агол)юща: «Помилуй ны Ии(су)се с(ы)не Д(а)в(и)д(о)вѣ». Пришедшу же ему в домъ, приступиста к нему слѣпца, и гл(агол)а има Иис(у)сь: «Вѣруета ли, яко могу се сотворити?» Гл(агол)аста ему: «Ей, Г(оспо)ди». Тогда прикоснуся очию ихъ, гл(агол)я: «по вѣрѣ ваю буди вама», и отверзостася очи има». [Мф. 9:27–29].

Мнѣже любимицы мои умысившу от сихъ словесъ Ев(анге)лскихъ бесѣду сотворити». [«Статир»: л. 156]

2. Слышимъ Хр(ис)та гл(агол)юща, Ц(а)р(с)тво Н(е)б(ес)ное обѣщающа, и не внимаемъ, дияволъ же геену изходатайствуетъ, и вси его почитаютъ. Хр(ис)тосъ гл(аголе)тъ: «Научитесь от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ с(е)рдцемъ, и обрящете покой д(у)шамъ вашимъ» [Мф. 11:29], и мали сего послушаютъ. Дияволъ же гл(аголе)тъ: «Бивый буди и не кротокъ, и жестокъ, и яростень, и гневливъ звѣрь паче, нежели ч(е)л(о)в(е)къ» [И. Златоуст, Беседы на Деяния Апостольские, беседа 6, 3]. [«Статир»: л. 158]

Выбор цитат из произведений Учителей Церкви в качестве библейского ключа связан с двухчастной структурой проповедей. Первый фрагмент – библейский ключ Слова 38, которое является 1 частью проповеди в 7 неделю по сошествии Святого Духа. Здесь автор традиционно использует эпизод из Евангелия, выделяя его в структуре.

Второй фрагмент – отрывок из Слова 39 «О слепотѣ хр(ис)тианъ, и яко поганския обычаи творять на пирѣхъ своихъ, и яко великое беззаконие содѣвается от пьянства» второй части проповеди в ту же неделю. Задуманная как продолжение первого Слова, эта часть не требует отдельного выраженного библейского ключа, однако, чтобы сместить фокус именно на пьянство, автор выбирает цитату Иоанна Златоуста, делающую тему душевной слепоты более частной, поскольку содержание второй части проповеди посвящено пьянству как служению дьяволу и, соответственно, слепоте к истинной вере. Выделить эту цитату как библейский ключ позволяет ее локализация (введение проповеди), раскрытие с ее помощью сакрального смысла проблемы (не просто пьянство, а подчинение дьяволу), тематические переключки с ней на протяжении всей проповеди (бинарная оппозиция Бога и дьявола).

Основная часть проповеди – изложение – имеет наибольшее содержание цитат и парафраз, поскольку в ней должно произойти богословское раскрытие темы. Составителю проповеди требуется подобрать или переработать материал так, чтобы проповедь была не набором отвлеченных рассуждений, а чередой ярких, запоминающихся поучительных образов и примеров [Феодосий: 169], но нацеленной не на риторическое схоластическое совершенство, а на углубление духовного смысла для воздействия на жизнь человека, ее изменения [Гардзанини: 39]. Так например, составляя Слово 45 «Яко ничтоже окаяннѣ ч(е)л(о)в(е)ка пьянаго», автор 13 раз указывает источником Златоуста, 2 – Кирилла Транквиллиона и 3 – Священное Писание, поскольку его же цитирует Златоуст. Здесь можно выделить три способа работы с источниками:

1. Прямое цитирование.

«Но о семь Б(о)ж(ес)твенный Златоустъ гл(аголе)тъ: «Бѣсь не възвраняеть Ц(а)р(с)твия Н(е)б(ес)наго получитьи, но и помогаетъ», ибо бѣснующиися здѣ муку приемлють за грѣхи, но обаче чисти отидуть ко Вл(а)д(ы)цѣ своему» [«Статир»: л. 187]

Ср.: «Бѣсь не възбраняеть Ц(а)р(с)твия Н(е)б(ес)наго получитьи, но и помагаетъ, неволею убо, обаче же помагаетъ цѣлом(у)дрѣйша имущаго и творя, грѣхъ же свергает» [Златоуст: л. 374]

Дословно мысль Златоуста дальше автор «Статира» не продолжает, а интерпретирует ее так, чтобы разъяснить пастве, как именно бес помогает достичь Царствия Небесного – будучи одержимым бесом, человек страдает за грехи и так искупает их. Акцент на земном бытовании человека тут важен, поскольку автор XVII в. ощущал необходимость не только привести людей к вечной жизни в Царствии Небесном, но и изменить их греховную земную жизнь. Таким образом, в проповеди он выносит беснующегося из одного круга с пьяницей, поскольку беснующийся такую земную жизнь получил от Бога и будет вознагражден, пьяница же самовольно выбирает греховное поведение, а значит, его страдания не являются путем спасения души, но его можно изменить. Златоуст заканчивает мысль противопоставлением одержимости и греха, не объясняя, как именно должно происходить очищение, поскольку для него в Толковании было важно объяснить необходимость изгнания из человека греха для дальнейшего спасения души, а не беса. Ссылка на Златоуста непосредственно в тексте проповеди подчеркивает желание автора проповеди сделать текст более авторитетным.

2. Обработка цитаты.

Несомненно, хорошо зная сочинения Учителей Церкви, в частности Иоанна Златоуста, автор «Статира» берет из разных текстов цитаты, объединенные одной темой. Эпизод, посвященный образу женщины-пьяницы, целиком скомпилирован из отрывков Толкований на Матфея (подчеркнуто) и Бесед на Деяния Апостольские Златоуста (выделено полужирным):

«Нам жеестъ слово и к женамъ побесѣдовати: аще бы умнѣ посмотриль, что есть студнѣйше жены пиянѣствующия и ничтоже будет равно бестудству ея. Елико бо немощнѣйши есть сосудъ, толико болше есть и истопление [Златоуст. Толкование на Матфея, беседа 57, 4].

Егда убо бываетъ от вина изумлена, тогда **почернѣваетъ зрака тоя цвѣтъ** или излише красѣтся и пелеровидно показуется. **Возмущается тихое и кроткое очесъ ея, аки облаку нѣкоему луча заступающа солнечныя** [Златоуст. Беседы на Деяния Апостольские, беседа 27, 2], ибо **аще и свободна будетъ**, но уничиженна, и посмѣянна о[т] рабынь, **посредѣ соборища рабовъ безобразуетъ и рабскую вещь** показуе[т] [Златоуст. Толкование на Матфея, беседа 57, 4].

Какова есть мерзостна жена згорѣвшимъ в ней виномъ дышающая, возсмердѣвшими и согнившими мясами рыгающая, истлѣвшими брашны множествомъ отягчена, востати не могущая. Зияния частаго исполнена и мрака, и безумия многого, вся пренебрегаетъ ни о чадахъ плачущихъ внимае[т], но сия о пиянствующихъ женахъ» [«Статир»: л. 189].

Ср. : «И прежде убо **къ женамъ да есть намъ слово**. Ничтоже срамнѣйше жены, въ сластехъ питающеася, ничтоже студнѣйше упивающеася. **Почернѣваетъ бо тоя зрака цвѣтъ, възмущается тихое и кроткое очесъ ея, аки облаку нѣкоему, луча заступающа с(о)лнечныя**. Несвободна вещь и рабска, и всякаго злородия исполнена. **Како есть мерзостна виномъ отдышущая, възсмердѣвшимся, согнившимъ, рыгающая мясь истлѣвшихъ въ ней въскуромъ отягченна и вѣстати не могущая, червлена суши паче мѣры. Зияния частаго исполненна и мрака многого**» [Златоуст: л. 258].

«Чтобо студнѣйше жены пиянѣствующия или простѣбносимыя, елико бо немощнѣйше сосудъ есть, толико болше истопление. Аще свободна будетъ, аще и раба: свободная бо посередѣ позорища рабовъ безобразуетъ, раба же паки подобнѣ посередѣ рабовъ, и устрояють Б(о)жия дары хулитися *от* несмысленныхъ» [Беседы на Евангелие от Матфея: л. 130].

Доступность смысла проповеди пастве обеспечивали наглядные примеры или «прилоги» – краткие нравоучительные сравнения или метафоры, которые используются в тексте проповеди как аргумент для убеждения [Преображенская: 162]. В прилогах проповедей о пьянстве автор «Статира» раскрывается как талантливый и чуткий к смыслу слов писатель, поскольку часто использует не уже готовые образы, а, выбирая из готового материала самые яркие черты, создает свои, воздействующие на слушателя как эстетически, так и эмоционально. В прилог о пьянствующей жене автор берет и поэтичные метафоры: «почернѣваетъ зрака тоя цвѣтъ», «Елико бо немощнѣйши есть сосудъ, толико болше есть и истопление»; и натуралистичные изображения: «мерзостна жена згорѣвшимъ в ней виномъ дышающая, возсмердѣвшими и согнившими мясами рыгающая». На первый план снова выходит изображение земной жизни, обличающее социальное поведение: «посредѣ соборища рабовъ безобразуетъ и рабскую вещь показуе[т]»; дополнения к цитате автор также делает связанные с социальной ролью женщины: «вся пренебрегаетъ, ни о чадахъ плачущихъ внимае[т], но сия о пиянствующихъ женахъ». Компиляция цитат вместе с авторскими дополнениями передает полноту образа, необходимую для его восприятия и переживания прихожанами.

Значительная концентрация описаний искаженной внешности и телесных проявлений – запаха, звуков, рвоты – вынуждает слушателей проповеди дать образу, а соответственно женскому пьянству негативную оценку с эстетической точки зрения. Однако в социальном плане женское пьянство – более глубокая и серьезная проблема, что отмечает и автор «Статира»: «ничтоже будет равно бестудству ея». Это связано с множеством запретов, которые традиционно накладываются на женщину, и которые она нарушает, пьянствуя. Домострой отмечает, что поведение женщины среди гостей должно быть вежливо, учтиво и скромно, недопустимы «дурные, пересмешные, блудливые речи». Употребление хмельных напитков строго запрещается, как и угощение ими других женщин, даже гостей [Домострой: URL]. Пример в «Статире» показывает как раз нарушение этих социальных правил

вследствие употребления алкоголя: потеря природной красоты, искажение облика – «почернѣваетъ зрака тоя цвѣтъ»; горделивость из-за внешности – «излише красѣтся и пелеровидно показуется»; нескромное поведение – «посредѣ соборища рабовъ безобразуетъ». Вопреки тому, что искажение облика и горделивость – это нарушения чистоты души, автор подчеркивает в них социальный, а не духовный аспект, поскольку в отличие от Златоуста, говорящего о таком поведении как о хулении Божественных даров, здесь пьяная женщина «уничижена, и посмѣянна», то есть дается не богословская оценка, а социальная.

3. Парафраз.

Прилог в проповеди не всегда является цитатой или компиляцией цитат. Работа с источниками предполагает осмысление образа в контексте выбранной темы, поэтому автором может заимствоваться не словесное выражение, а система образов.

Так, говоря о жизни пьяницы, автор «Статира» использует метафору «пьяница-корабль, потерпевший крушение», которую заимствует из Толкований на Матфея Златоуста:

«Гл(а)г(олет)ъ б(о)ж(ес)твенный Златоустъ: <...>.А пияница всегда ся пресыщаетъ и мѣры своего устава не знаетъ, и на кийждо д(е)нь чрево свое распространяетъ, аки **ладью к потоплению уготовляетъ**, и дотолѣ сытости не знаетъ, донелиже яко буря пиянство его поверзаетъ, и окаянное тѣло его яко от истопления морскаго наполнено мокротою винною, и едва ся обрѣтаетъ мѣсто в нем ц(а)р(с)твующей д(у)ши, скитаетбося стесняема многажды же и исходитъ злою вонею изгонима» [Златоуст. Толкование на Матфея, беседа 57, 5] [«Статир»: л. 188 об.].

Ср. : «и якоже огницѣ пришедши, иже *от* огницы пребываетъ вредъ, сице и пиянству пришедшу, яже *от* пиянства буря и в души и тѣлеси ощщается. И окаянное убо **тѣло лежит разрѣшено, якоже *от* истопления лодия**, сегоже страшнѣйшая душа и сему разрѣшшуся, бурю воздвизаетъ, вожделѣние воспалаетъ. <...> Аще и цѣломудрие обрящетъ, аще и стыдѣние, аще и разумъ, аще и кротость, аще и смиренномудрие, вся поверзаетъ в пучину законопреступления пиянство. Но яже по сихъ не к тому подобно, там бо по *от*ложении лодия облегчается, здѣже отягчается наипаче, вмѣсто бо оного богатства приемлетъ песокъ, и воду слану, и всего сора пиянства, яже вкупѣ кормнику и корабленикомъ потопляетъ лодию абие» [Беседы на Евангелие от Матфея: л. 132].

Пересказывая в проповеди образ из Толкований, автор не просто сохраняет суть источника, но и драматизирует его: «корабль» пьяницы переполнен «мокротой винною», душа человека скитается по нему и не найдя себе места, «исходит», когда как у Златоуста в пучину повергаются качества человека, а не его будущее небесное воплощение. Автор «Статира» перекладывает образ из сочинений IV века на реалии XVII века, которые осмысляет как время, когда люди пиянством сами прогоняют из себя душу, что равно самоубийству. Несмотря на то, что это интерпретация, она авторизована – на полях рукописи сделаны отметки, отсылающие читателя к источнику.

Снижение в проповедях XVII века экзегетического пафоса в пользу поучающего земной жизни привело к тому, что эпизоды из Священного Писания и святоотеческих произведений стали использоваться в качестве примеров, иллюстраций для тем проповедей, а не в качестве истока для размышлений или затемненного места. Цитирование при этом происходило в различных формах в зависимости от желания автора сохранить авторитетность текста (в таком случае ссылка на источник находилась непосредственно в тексте проповеди), улучшить наглядность образа, его воздействие на слушателя или совершить попытку интерпретировать его в рамках смысла источника, но с внесением новых оттенков с целью более сильного воздействия словом на жизнь паствы.

Литература

Беседы на Евангелие от Матфея свт. Иоанна Златоуста. II часть. Отдел рукописей РГБ / Ф. МК РГБ Старопечатные книги Троице-Сергиевой Лавры

Галятовский И. Ключ разумения. – К. : Тип. Киево-Печерской лавры, 1659. 253 л.

Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa / Гардзанити М. // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 2008. – Т. 58. С. 28–40.

Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. – СПб: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1867. // Викитека. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikisource.org/> (дата обращения: 6.04.2022).

Златоуст И. Беседы на деяния Святых Апостол. Отдел рукописей РГБ / Ф. МК РГБ Старопечатные книги Троице-Сергиевой Лавры. Киев, 1624.

История проповедничества Русской Православной Церкви. Учебное пособие для студентов 4 курса, составленное протоиереем А. Ветелевым, дополненное и переработанное преподавателем М. Е. Козловым, Сергиев Посад: Изд-во Московской Духовной Академии, 2006. [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/propovedi/istoriya-propovednichestva-na-rusi-chast-ii.shtml> (Дата обращения 4.04.2022).

Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. Ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; Ред. М. М. Сокольская; Предисл. В. В. Калугина. М. : Знак, 2003.

Преображенская А. А. «Зверонравные люди»: нравоучительные ехемпла в проповедях Симеона Полоцкого // Jezikoslovni Zapiski. 2018. Т. 2. С. 161–178.

«Статир». РГБ. Собр. Румянцева, № 411. Рукописный сборник проповедей XVII в. (последняя четверть).

Феодосий, Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999.

Kalinina A. D. Author's work with sources in pre-Petrine sermons

Abstract. The article examines the use by the preacher of the XVII century of quotations from patristic works and Holy Scripture in words against drunkenness from the manuscript collection "Statir". The functions of the intertext are revealed – the designation of the topic, examples, and the enhancement of expressiveness. Citation techniques are analyzed. The author's attitude to the text of sources, their preservation and interpretation is considered

Keywords: sermon, moral image, priesthood, «Statir», intertext

А. Д. Корелина

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Зрение и слепота в творчестве Симеона Полоцкого

Аннотация. Мотивы зрения и слепоты разрабатываются на протяжении всего существования христианской литературы. Разнообразие возможностей метафорической репрезентации мотива позволяет авторам проповедей обратить внимание на те проблемы и идеи, которые актуальны для их эпох. Симеон Полоцкий, опираясь на Библейскую традицию осмысления слепоты, на творения Святых отцов и европейских богословов, вносит смыслы, важные для Нового времени. Это и решение антропологических проблем, и просветительские идеи, и внимание к земной жизни человека, к социально-бытовым ее аспектам.

Ключевые слова: зрение и слепота, Симеон Полоцкий, поэзия барокко, проповедь, 17 в.